

разгрузки, активнее использовать существующие возможности профилактики (санитарно-просветительные лекции и беседы, занятия спортом, и т.д.). В реабилитационной программе применяются для психокоррекции и профилактики такие методы кризисной психотерапии как рациональная психотерапия, когнитивная психотерапия, гештальттерапия, экзистенциальная терапия, различные методы релаксации и аутогенной тренировки, а также групповая поведенческая терапия (психодрама).

Результаты исследования позволяют обосновать и использовать в социально-психологической и медицинской практике концепции «хολистическое здоровье» и «социально-психологическая модель врачевания», расширяющей возможности самореализации человека в ситуации хронического заболевания. Теоретические результаты и практические разработки исследования интегрированы в преподавание ряда общепрофессиональных и специальных дисциплин для студентов, обучающихся в ТГМА, в профессиональную деятельность клинических психологов, врачей и медицинских работников, проходящих профессиональную переподготовку.

Таким образом, результаты проведенных медико-психологических исследований показывают значимость учета психологических особенностей и предикторов больных в ситуации хронического заболевания и в реабилитационный период, а также валидность трансдисциплинарного знания как инструментария социально-психологической модели врачевания и неклассического типа рациональности в такой науке, как медицина.

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ЭТЮДЫ

РЕФЛЕКСИЯ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ СБОРКИ СУБЪЕКТА ТВОРЧЕСКОЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

И. Н. Семенов

Государственный университет —
Высшая школа экономики,
профессор, доктор психологических наук

Проблема сборки субъектов и ее рефлексивных механизмов актуальна как в области социокультурного и социотехнического проектирования сложноорганизованных искусственных систем и управления ими (Лепский, 2009), так и в сфере социогуманитарного развития человеческого капитала и экзистенциально-феноменологического познания человека в целях оказания ему психологической поддержки и психотерапевтической помощи в процессе реальной жизнедеятельности из-за возникающих стрессовых и проблемно-конфликтных ситуаций (Семенов, 2009). Необходимость в сборке субъекта возникает не только при проектировании психического развития человека в социокультурных системах образования в целях его социализации и организации нормированных взаимодействий индивидов в контурах социального управления их общностями или же в случаях дезадаптации этого развития и дезорганизации управления, но также и в рефлексивных по своей природе ауто-ситуациях при самоорганизации, саморегуляции, самокоррекции, самопроектировании личностью собственного саморазвития и самореализации в процессе жизнедеятельности.

С позиций рефлексивной психологии (И.Н.Семенов, 1990, 2000) сборка субъекта представляет собой построение им образа собственного «Я», реализующегося в актах поведения и процессах жизнедеятельности в непосредственном социокультурном окружении и в современном социуме.

Наиболее рельефно феноменология и закономерности экзистенциально-рефлексивной сборки человеком своей субъектности проявляются в жизнедеятельности выдающихся личностей в сфере социального, политического, научного, технического или художественного творчества.

На фоне историко-научного опыта социокультурного и экзистенциально-психологического анализа продуктивной жизнедеятельности ряда крупных отечественных философов-методологов (Н.Г.Алексеев, А.А. Зиновьев, В.А.Лефевр, И.С.Ладенко, Г.П.Щедровицкий) и ученых-психологов (В.М.Бехтерев, П.П.Блонский, Л.С.Выготский, Я.А.Пономарев, Н.Я.Пэрна, П.А.Шеварев), мы можем выделить ученого С.Л.Рубинштейна и писателя М.М.Зощенко, затрагивая феноменологию сборки ими собственной творческой субъектности в процессе драматичной жизни страны в авторитарную эпоху. Обратимся к рефлексивно-психологическому и субъектно-ориентированному анализу этих двух прецедентов сборки субъекта творческой жизнедеятельности, его экзистенциально-личностной рефлексии и социокультурной самореализации в целях изучения психологических особенностей человеческого капитала творческой личности и развития ее субъектности в конкретно-исторических условиях социума.

Выдающийся философ и психолог с мировым именем С.Л. Рубинштейн до первой мировой войны получил (вместе с будущим поэтом Б.Л.Пастернаком) в бюргерской Германии глубокое философско-методологическое образование в Марбургской школе неокантианства у Г.Когена, М.Наторпа, Э.Кассирера. Оказавшись же в революционной России эпохи гражданской войны, С.Л.Рубинштейн вынужден был в этих трагичных условиях заниматься сборкой фрагментов прежней своей довоенной субъектности (с миссией философа-методолога) в целях адаптации в радикально изменившимся социокультурным и экономико-политическим условиям. Эта попытка сборки С.Л.Рубинштейном себя как субъекта передовой преподавательской деятельности оказалась профессионально несостоятельной. Из-за неприятия консервативной профессурой г. Одессы стремления С.Л.Рубинштейна преподавать студентам инновационный курс философии естествознания с разделом по теории относительности, он был вынужден покинуть Новороссийский университет и попытаться заново вести сборку своей профессиональной субъектности на ниве... библиографической науки, заняв пост директора Центральной научной библиотеки г. Одессы.

Завязав на почве книгообмена обширные научные контакты с ведущими университетами мира, С.Л.Рубинштейн собрал богатейший материал по человекознанию, который затем, переехав в Ленинград,

систематизировал и обобщил в целях разработки фундаментальных «Основ психологии» (1935). Тем самым, им была совершена новая сборка своей профессиональной субъектности, исходя из миссии методолога не философии (как прежде в Марбурге) и не библиографа (как в недавно в Одессе), а теперь уже психологии. Эта миссия теоретического лидера советской психологии была манифестирована С.Л.Рубинштейном в знаменательной статье «Проблемы психологии в трудах Карла Маркса» (1934), где был задан методологический переход от экономического понятия труда к психологической категории деятельности, которая стала краеугольной для советской психологии науки. Социальная успешность профессионально-субъектной самореализации С.Л.Рубинштейна в качестве теоретического лидера советской психологии выразилась не только в признании его выдающегося труда «Основы общей психологии» (1940) через присуждение за него Государственной сталинской премии (1942), но и в занятии им ведущих постов в психологической науке — заведующего кафедрой и отделением психологии философского факультета МГУ, директора Института психологии, а также избрании членом-корреспондентом АН СССР и академиком АПН РСФСР.

Однако, социальная судьба в тоталитарную эпоху переменчива. В связи с развернувшимся после победы во второй мировой войне наступлением Сталинской диктатуры на интеллигенцию, «Основы общей психологии» С.Л.Рубинштейна стали необоснованно критиковаться с идеологических позиций, а сам он был лишен права публиковаться и снят со всех постов. Не смотря на то, что социально-стратовое положение С.Л.Рубинштейна как лидера советской психологии оказалось разрушенным, он вновь стал пытаться перейти к новой сборке себя как субъекта профессионально-творческой деятельности. Отрефлексировав свою миссию философствующего психолога, С.Л.Рубинштейн в последний период своей жизни стал исследовать фундаментальные проблемы «Бытия и сознания» (1957), «Человека и мира» (1973) в целях разработки онтологических, гносеологических, логических, методологических, аксиологических, этических аспектов человекознания как теоретико-методологических «Путей и принципов психологии» (1959). Публикация этих трудов после фактической реабилитации в период оттепели не только внесли существенный вклад в углубление научности советской психологии второй половины XX в. (многие представители которой были уничтожены — или чьи труды — как, например, Л.С.Выготского — были преданы забвению), но и ознаменовала творческую победу продуктивной сборки С.Л.Рубинштейном своей профессиональной субъектности над подвергнувшим его остракизму политическим временем.

С трагичностью жизнедеятельности С.Л.Рубинштейна перекликается прецеденты сборки субъектности его однокашника по учебе философии в Марбургской школе неокантианства Б.Л.Пастернака, который после возвращения из Германии стал профессиональным поэтом, а в конце жизни — Нобелевским лауреатом по литературе. Для Б.Л.Пастернака характерна еще более радикальная разборка-сборка своей творческой субъектности. Родившись в семье академика живописи Л.О.Пастернака и талантливой пианистки Кауфман, их одаренный сын Б.Л.Пастернак еще с детства хотел стать художником, потом в отрочестве он стал культивировать свою субъектность в качестве композитора, учась у гениального А.Н.Скрябина, а в юности стал развивать себя как субъекта философствования в школе неокантианства у Г.Когена. В юности пылко влюбившись, Б.Л.Пастернак стал поверять свои переживания, чувства и мысли стихам, а разочаровавшись в рационализме философии после неудачного объяснения с возлюбленной, обратился к сборке себя как субъекта поэтически-художественного творчества. Добившись социального успеха в виде признания крупнейшим поэтом эпохи, Б.Л.Пастернак — после известного разговора по телефону с И.В. Сталиным (в связи с арестом поэта О.Э.Мандельштама) — стал с середины 1930-х годов постепенно не угоден властям, из-за чего все меньше печатал оригинальных стихов, все больше сил отдавал переводу (с В.Шекспира, Гете, и др. поэтов и драматургов), а в стол долгие годы писал роман-эпопею «Доктор Живаго», который был рефлексивно-автобиографичен. Завершив роман уже в оттепель, Б.Л.Пастернак был подвергнут остракизму за его публикацию за границей и вновь оказался перед необходимостью новой сборки своей творческой субъектности как писателя из-за разрушения старой в силу политических гонений. Вынужденный из-за идеологических гонений отказаться от Нобелевской премии, Б.Л.Пастернак продолжал работать, ощущая себя, хоть и гонимым, но свободным и не побежденным субъектом литературного творчества.

Еще более драматичной оказалась творческая судьба другого писателя современника поэта Б.Л.Пастернака и ученого С.Л.Рубинштейна — знаменитого сатирика М.М.Зощенко, который сознательно осуществлял сборку себя как субъекта не только художественной деятельности, но и как жизнетворчества с опорой на естественнонаучные и психологические знания.

Одним из самых известных массовому читателю писателей и, пожалуй, наиболее любимым сатириком довоенного времени является Михаил Михайлович Зощенко (1895-1958). Как отмечал еще в 1923 г. М.Горький: «Значителен Михаил Зощенко, автор оригинальной серии «Рассказов г. Синебрюхова», писатель почти уже сложившийся, он нашел свой стиль, свои слова» (Цит. по: «Серapiоновы братья. Антология, 1998, с. 575).

Человек необычайной — даже для советского бурного времени — переменчивой и трагичной судьбы, Зощенко оставил читателям не только множество ярких и хлестких сатирических рассказов и пьес, но и ряд научно-художественных повестей, удивительных по своей психологической насыщенности и экзистенциально-рефлексивной исповедальности. Как отмечает в книге «Горький среди нас» К. Федин (соратник серапионовой молодости М.Зощенко): «основа его таланта влекла его в русло сатирической литературы. Сатира, однако, тоже не исчерпывала всех его склонностей. От сентиментальных повестей в духе Гоголя он перешел к иным поискам и начал работать над жанром повестей-рассуждений, повестей-исследований, будто с разочарованием отдаляясь от смеха» (Цит. по: «Серapiоновы братья.антология., 1998, с. 67). Именно последние четыре повести Зощенко («Письма к писателю», «Голубая книга» и, особенно, «Возвращенная молодость» и «Перед восходом солнца»), будучи акме-вершинами его писательского мастерства, представляют наибольший интерес в творческом наследии Зощенко в контексте современной психологии творчества.

Это связано с тем, что оборотной стороной невероятной прижизненной литературной славы Зощенко было омраченное сжигавшей его ипохондрией мучительное жизнетворчество. Возможно, что развивавшееся с раннего детства страдание — как некий характерологический психокомплекс — и послужило компенсаторным источником именно сатирического таланта Зощенко. Но самое удивительное, что если в первой половине жизнедеятельности Зощенко реализовался непосредственно в сатирическом жанре, то во второй — его писательство осуществлялось уже в жанре «назидательной прозы», носившей характер научно-художественного поиска им причин своего недуга и было опосредовано все усиливающейся экзистенциальной рефлексией. Если в творческом плане это выразилось в сборке им своего «Я» как нового субъекта писательской деятельности (теперь уже морализирующей в отличие от прежней — иронизирующей), в профессиональном плане — в интенсивном росте литературного мастерства, то в экзистенциальном плане — в освобождении им от своего недуга, — в социальном плане — все это привело к трагедии: ему с 1943г. запретили печататься, в 1946 г. он был ошельмован, творчество его иссякло, а писательское имя на склоне жизни было обречено забвению. Лишь после смерти М.М.Зощенко — уже в период оттепели 1960-х годов — стали вновь издаваться его сатирические новеллы и научно-художественные повести, появились критические работы о нем.

Нас писательство и личность М.Зощенко занимают в рефлексивно-психологическом и акмеолого-педагогическом аспектах, поскольку,

во-первых, его творчество в своей целокупности представляет собой имманентное развитие экзистенциальной рефлексии, инкорпорированной в процесс научно-художественного поиска причин своего недуга, а, во-вторых, этот процесс осуществлялся в результате нарастающего профессионального мастерства, которое продуктивно опредмечивалось в культурно значимые творческие продукты (рассказы и повести). Выдающийся писатель Зошенко как раз и подвергся идеологическому остракизму не только за то, что его сатира высмеивала негативные явления в жизни советского человека (в утопическом идеале — строителя совершенного общества), но также и за то, что в своих последних повестях он исповедально раскрывал внутренний мир своей творческой индивидуальности — вместо того, чтобы принести ее на алтарь господствовавшей социальной уравниловки. Известно, что Зошенко лично писал Сталину в 1943 г. по поводу запрета второй части своей последней (наиболее экзистенциальной) повести «Перед заходом солнца», но ответа так и не получил, а возможности печататься лишился вовсе.

Обоснование этому остракизму содержалось в знаменательном докладе Ю.А. Жданова и в идеологических постановлениях ЦК ВКП (б) августа 1946 г. «О журналах «Звезда» и «Ленинград» и др., осуждавших, в частности, писателей-классиков А.А.Ахматову и М.М.Зошенко как «пошляков и подонков литературы», допустивших в своих произведениях «злостное хулиганское изображение нашей действительности» наряду с «антисоветскими выпадами» (?!).

Несмотря на развернувшуюся травлю, закаленная творческим противостоянием режиму А.А.Ахматова (как бывшая жена расстрелянного в 1921 г. поэта Н.С.Гумилева и мать репрессированного сына ученого Л.Н.Гумилева), стойко выдержала удары судьбы и продолжала писать стихи (чаще всего «в стол»), зарабатывая себе на жизнь переводами (например, с... древнекорейского языка). Психологически это объясняется стойкостью ее характера, адекватной экзистенциальной рефлексией взаимодействия писателя-творца с нетленной культурой и временщиками несправедливого режима. Позитивность социокультурной рефлексии А.А.Ахматовой сложившейся тогда в 1940-1950-е годы невыносимой идеологической ситуации привела к сборке ею нового своего литературного «Я» как субъекта «независимой» (от преходящего политического режима) лирико-поэтической деятельности. Благодаря этому А.А.Ахматова завершила работу над поэмой «Реквием», литературно-критическим анализом творчества А.С.Пушкина и развивала традиции великой русской лирической поэзии своими произведениями 1940-1960-х годов.

В отличие от лирической поэтессы А.А.Ахматовой, писатель-сатирик М.М.Зошенко — с его извечной ипохондрией — замкнулся в себе

и, увы, навсегда замолчал как писатель. Психологически это означает, что он не смог адекватно экзистенциально отрефлексировать социокультурную ситуацию административного остракизма, ибо не нашел в себе сил и возможностей совершить новую сборку своего творческого «Я» (разрушенного идеологическим насилием властей) как опального субъекта профессионально-писательской деятельности. Поскольку вошедшие в золотой фонд русской литературы произведения Зошенко амбивалентны — в силу своего не только литературно-сатирического, но и экзистенциально-аутоисследовательского характера, — то анализу их рефлексивно-психологических и профессионально-творческих аспектов (в которых проявляется феноменология сборки им своей субъектности в различные периоды творчества) предпослел абрис его жизнедеятельности как фон достижения им литературной славы (у читателей, писателей) и разнузданной критики у временщиков политического режима и его литературно-административных адептов.

С учетом данных литературоведения («Серапионовы братья...»; К.И.Чуковский, 1965, 1990; К.Федин, 1961, 1973; и др.) реконструируем основные этапы эволюции личности М.М.Зошенко с акцентом на развитие в его литературном творчестве субъектно-психологической проблематики и ее авторской экзистенциально-аутоисследовательской рефлексии.

На первом — детском — этапе (1895-1902 гг.) Зошенко рос в небогатой дворянской семье художника и актрисы, переехавших с Украины в Петербург, где ребенок получил хорошее воспитание, но часто страдал приступами страха, был замкнут и переживал свое одиночество.

На втором — отроческом — этапе (1903-1912 гг.) он получил хорошее гимназическое образование. Зошенко рос тонким, чувствительным мальчиком в сложной семье, где отец недостаточно занимался сыном, который страдал от этого, был закомплексован и часто хандрил.

На третьем — юношеском — этапе (1913-1917 гг.) он поступает на юридический факультет университета, но после первого курса уходит на фронт Первой мировой войны, где за отвагу награждается пятью орденами, а затем демобилизуется в чине капитана из-за отравления газами.

На четвертом — послереволюционном — этапе личностно-профессионального самоопределения (1917-1919 гг.) он, не смотря на приступы хандры, ездит по стране, пробует себя в двух десятках профессий (в т.ч. вновь кратковременно служит в Красной армии), зорко наблюдая характеры людей и своеобразие их поведения в современной жизни.

Важно подчеркнуть, что на двух — третьем и четвертом — этапах в жизнедеятельности М.М.Зошенко формируется богатый и разнообразный жизненный опыт, трансформирующийся затем на последующих этапах в экзистенциально-рефлексивный материал, из которого он

осуществляет сборку своего творческого «Я» как субъекта писательской деятельности.

На пятом — «серапионовском» — этапе (1919-1922 гг.) он в Петрограде включается сначала в руководимую К.И.Чуковским студию начинающих писателей, затем вливается вместе с ней в творческую работу руководимого М.Горьким «Дома искусств» (о жизни писателей в нем см.: «Сумасшедший корабль» О.Форш, 1931), где вступает в «Серапионово братство» вместе с молодыми талантами, составившими потом цвет советской литературы. Здесь, — по словам К.И.Чуковского (1990), — угрюмый Зошенко, пишущий стихи и пародии, но еще не печатавшийся, получил признание среди серапионов своими рукописными пародиями на писателей и юмористическими рассказами. На этом этапе М.М.Зошенко начал осуществлять сборку своего творческого «Я» как субъекта профессионально-литературной деятельности писателя-сатирика.

На шестом — «сатирическом» — этапе (1923-1928 гг.) он пишет и публикует сатирические рассказы, оттачивает свое писательское мастерство, достигает известности после выхода в свет сборников «Уважаемые граждане», «Сентиментальные повести» и переизданий многих других. Здесь он достигает своего первого, «литературно-сатирического» акме и становится любимым миллионами читателей. Начинается издание 6-томного (!) собрания сочинений (1928-1932) М.Зошенко, а восхищавшие М.Горького, К. Чуковского и мн. др. его профессиональное мастерство и созданный им в жанре литературного сказа «зошенковский язык» становятся предметом филологических исследований, в т.ч. будущего академика В.В.Виноградова (1928). Несмотря на это социально-профессиональное акме, донимающая Зошенко хандра ведет к нагнетанию личностно-творческого кризиса и становится заботой его постоянных размышлений и экзистенциальной рефлексии проблем своего здоровья. На этом этапе амбивалентная по своей экзистенции личность М.М.Зошенко окончательно раздваивается на социально внешнюю, публично-профессиональную и экзистенциально внутреннюю, рефлексивно-интимную. Во внешнем плане своего бытия М.М.Зошенко — как никто другой в СССР 1930-1940-е годов — купается в лучах читательской славы и признания критиков-филологов, по праву являясь субъектом социально успешной профессионально-литературной деятельности писателя-сатирика, оригинально продолжающего традиции корифеев русской прозы Гоголя, Щедрина, Лескова, Чехова. Во внутреннем же плане своего существования М.М.Зошенко изнемогает от тоски и хандры как субъект тягостных переживаний о своем душевном нездоровьи.

На седьмом — «самокритическом» — этапе (1929-1933) происходит рефлексивное разрешение кризиса, перелом в его личностном самосо-

знании, начавшийся с рефлексии читательских откликов (собранных в книге «Письма к писателю», 1929) и выразившийся в переориентации Зошенко своего творчества с чисто сатирического жанра (оказавшегося уже социально неадекватным при переходе к культуре И.В.Сталина) на жанр назидательно-юмористической прозы, посредством которой Зошенко приступает к откровенному повествованию в книге «Возвращенная молодость» (1933) феноменологии своей многолетней хандры и экзистенциальной рефлексии своей жизнедеятельности в целях исследования причин этого тягостного недуга (представив перипетии этого поиска в контексте занимательного сюжета, который развернул в своем сатирическом жанре). При этом Зошенко опирается на естественнонаучные знания, полемизирует с фрейдизмом, ассимилирует достижения И.П.Павлова, анализирует — по сути с психолого-акмеологических позиций — закономерности профессионального творчества и проблемы сохранения здоровья и долголетия выдающихся деятелей культуры (интуитивно приближаясь к пра-акмеологическим исследованиям В.Оствальда, 1898 и Н.Я. Пэрны, 1925 — см.: Деркач А.А., Семенов И.Н., Балаева А.В. 2005). На этом этапе М.М.Зошенко осуществляет сборку своего нового творческого «Я» как субъекта практически-исследовательской и научно-популярной литературной деятельности.

На восьмом — ауто-исследовательском — этапе (1933-1939 гг.) Зошенко, продолжая юмористически изображать и сатирически бичевать мешанский быт современников, сосредотачивается на рассказах о негативных и позитивных жизненных случаях, а также на поисках причин своей хандры («Голубая книга», 1935), углубляя не только экзистенциальную саморефлексию и социорефлексию ценностей бытовой жизни, но и изучение научной литературы в области биологии, физиологии, психологии, медицины, педагогики, философии и т.п. в целях исследования закономерностей профессионального творчества и жизненной энергетики ученых, писателей и общественных деятелей. На этом этапе происходит успешная самореализация М.М.Зошенко как субъекта психолого-культурологической и экзистенциально-личностной рефлексии и научно-популярной и экзистенциально-исследовательской деятельности, посредством которой он обобщает «краткую историю человеческих отношений» (Зошенко, 1994, с. 147).

На девятом — военном — этапе (1939-1943гг.) из-за серии военных конфликтов с СССР Японии, Финляндии и, особенно, нацистской Германией, Зошенко активно участвует своим сатирическим и, одновременно, патриотическим пером в антифашистской пропаганде.

На десятом — «роковом» — этапе (1943-1946 гг.), вернувшись из эвакуации, он стремительно завершает экзистенциально-научное

аутоисследование глубинных причин своих недугов и обобщает его результаты в итоговой повести «Перед восходом солнца» (1943). Публикация ее первой части в журнале «Звезда» вызывает неудовольствие И.В.Сталина (запрещающего издание второй части), что в дальнейшем в августе 1946 г. служит поводом для идеологического шельмования М.М.Зощенко в постановлении ЦК ВКП (б) и в обосновывающем его докладе секретаря ЦК А.А.Жданова. На этом этапе происходит социально-идеологическая ломка М.М.Зощенко как субъекта профессионально-литературной деятельности, усиливающая искони присущую ему тоску и переживания.

На одиннадцатом этапе — «остракизма» (1946-1956 гг.) — доминирует переводческая подработка на фоне угасания таланта из-за длительного забвения неиздаваемого писателя М.Зощенко (изгнанного из Союза писателей), о ярком сатирическом творчестве которого послевоенное поколение если и знает что-то неопределенное, то лишь понаслышке. На этом этапе происходит сборка профессионального «Я» М.М.Зощенко как паллиативного (относительно ценности писательского творчества) субъекта литературно-переводческой деятельности, что подрывает жизненные силы фактически бывшего писателя.

На двенадцатом — «оттепельном» — этапе (1956-1958 гг.) происходит отмена постановлений ЦК 1946 г. и, вследствие этого реабилитация в общественном мнении честного имени писателя М.Зощенко. Он, по словам Д.Гранина, поделился с ним замыслом нового сборника рассказов гуманистического характера «Самые удивительные случаи», но написать их уже не успел. На этом предсмертном этапе М.М.Зощенко, несмотря на забрезжившую политическую «оттепель», так и не смог окончательно оправиться от катастрофы послевоенного идеологического шельмования и перейти к адекватной сборке своего нового творческого «Я» как субъекта писательской деятельности.

В наступившей на рубеже 1950-1960 гг. социальной «оттепели» произведения Зощенко стали вновь переиздаваться, по их мотивам была снята кинокомедия «Не может быть!», пользующаяся огромной популярностью до сих пор. В период перестройки в 1988 г. был издан трех-томник сочинений М.Зощенко, где впервые была опубликована полностью его лебединая песнь — научно-художественная повесть «Перед восходом солнца». Считая М.Зощенко выдающимся сатириком, критика неоднозначно оценивает его научно-художественные повести: от скепсиса относительно включения в прозаическую ткань сатирических новелл научно-популярных изысков при самоисследовании причин своего «угрюмства и хандры» (К.И.Чуковский, 1990) до восторженных отзывов (К.Федин, 1961, 1973).

Не вдаваясь в филологические диспуты и литературно-критические оценки наследия М.М.Зощенко, обратимся к анализу рефлексивно-психологической проблематики, разворачивающейся в его главных четырех повестях, где репрезентирована феноменология аутоисследования им своих недугов и ее экзистенциально-творческая и духовно-нравственная рефлексия.

Переход М.М.Зощенко от сатирической к назидательной прозе стал зарождаться в процессе рефлексивно-аналитической работы с множеством письменных откликов на свое творчество, в результате которой родилась оригинальная книга-роман «Письма к писателю» (1929, 2-е изд. 1931). По оценке Ю.Томашевского эта «книга уникальная. Подобной ни у кого из писателей не было, нет и, вероятно, не будет» (Цит. по: Зощенко М. Письма..., 1989, с.5). Здесь была фактически представлена феноменология социальной жизни и, в основном, тяжелого быта людей тех лет. В тексте этой повести рефлексия минимальна: лишь изредка автор позволяет себе выражать свое отношение к письмам или как-то оценивать их содержание. Художественно значение имели отбор писем для публикации в книге и писательская работа по их композиции. Однако, в ряде писем затрагивались проблемы здоровья, болезней тела и недугов души, что было созвучно приступам хандры, мучивших порой самого Зощенко.

Социокультурная рефлексия всей этой эпистолярной и ауторефлексия собственной мучительной экзистенции побудили его попытаться найти какой-то разумный подход к волевому решению этих проблем рациональным путем самосовершенствования в целях избавления от недугов и обретения здоровья — как необходимого условия продуктивного продолжения своей профессионально-писательской деятельности. Литературное решение указанная проблематика была найдена М.Зощенко в виде такого художественного образа, как название повести «Возвращенная молодость» (1933). Здесь занимательный сюжет поиска героем путей преодоления прогрессирующих недугов служит наведением мостов для погружения читателя в интересующую автора проблематику самосовершенствования на рациональной основе в целях борьбы с помощью разума и силы воли с недугами, в т.ч. с мучившими его приступами меланхолии-хандры. Об этом недуге неоднократно указывали как сам М.М.Зощенко в своих повестях, так и в воспоминаниях о нем близко знавшие его писатели М.Горький, К.Чуковский, В.Каверин, К.Федин и другие.

В этой переломной повести художественный текст начинает перемежаться рефлексивно-акмеологическим аккомпаниментом, причем не только посредством социокультурной рефлексии — в виде научных

сведений (о болезнях, об организме, о нервной деятельности, ее нарушениях и их лечении) и их комментариев, но и экзистенциально-личностной — в виде исповедальных переживаний в связи с собственными недугами и стремлением их преодолеть разумной силой воли. При этом обосновывается воспитательно-гуманистическая сверх-задача — привлечь внимание читателя к, по сути, акмеологической проблеме самосовершенствования и заботы о своем душевном здоровье как предпосылке социально-профессионального успеха в жизнедеятельности, а также помочь ему самому выработать пути избавления своих недугов ради такой экзистенциальной ценности как возвращение молодости. И, хотя, художественная правда побеждает несколько утопическую назидательность этой повести (сюжет завершается достаточно реалистично), все же она знаменует собой рефлексивный перелом в самосознании автора, что выражается в открытом его переходе к научно-художественному методу решения им своих экзистенциальных проблем.

Еще больше рефлексивно-лирические отступления автора проявляются в следующей большой повести М.Зощенко «Голубая книга» (1935), где тематика (Деньги, Любовь, Неудачи, Коварство, Удивительные события) образующих ее рассказов (по стилю пока еще юморических, но их автор предваряет обширными культурологическими предисловиями и нравоучительными послесловиями) все теснее связана с проблемами здоровья и поисков рационального лечения недугов. И хотя автор в посвящении М.Горькому отмечает: «Я написал не историю культуры, а может быть, всего лишь краткую историю человеческих отношений» (М.Зощенко, 1994, с.147), все же при этом во всей полноте разворачивается экзистенциальная феноменология современной жизни — со всеми ее социально-бытовыми конфликтами и невзгодами — и обосновывается целесообразность их разрешения с опорой на научные знания. В этом намечается постепенное сближение экзистенциальной позиции героев с философски-авторской, реализуемой посредством рефлексии и обращения к научным знаниям из области психологии и истории культуры.

Наибольший интерес для психолого-акмеологической проблематики саморазвития и самосовершенствования представляет последняя повесть М.Зощенко «Перед восходом солнца» (1943). Здесь уже герой сливается с автором. Зощенко открыто и исповедально показывает и рефлексивно обсуждает экзистенциальные проблемы своей жизни, отягощенной изнуряющей его хандрой. В занимательно-детективной манере он живописует перипетии захватывающего поиска жизненных обстоятельств, приведших его здоровье к недугам, настойчиво исследует их психолого-физиологические причины и выстраивает

рациональные способы обуздания своей хандры с опорой на достижения современной ему науки. При этом он исходит из ассимиляции и критики фрейдизма с передовых позиций учения И.П.Павлова о рефлексорной природе психики и об условных рефлексах. Разумеется, что писатель Зощенко не претендовал на научно верифицированное решение проблем такого «оздоровительного» самосовершенствования, но его заслуга в том, что он их поставил перед обществом. Более того, его поиски и подходы заинтересовали ученых — его приглашали на заседания Ученого совета в Институт мозга и даже И.П.Павлов на свои знаменитые «Среды». Все это значимо и для акмеологии. В результате им определены правила для рационально-волевого контролирования человеком своих психических состояний, следование которым в целях аутоисследования и самосовершенствования способствует преодолению хандры, преследовавшей его долгие годы. Освобождение от этого недуга положительно сказалось на росте писательского профессионализма М.Зощенко, достигшего в этой повести своего высшего акме-мастерства.

В рефлексивно-психологическом плане важно подчеркнуть, что восходящее к акме развитие профессионального мастерства М.Зощенко было опосредовано интенсификацией социокультурной и экзистенциально-продуктивной рефлексии, что эксплицировано им в ее текстовом нарастании от минимума в первой повести до максимума в последней. Еще К.Федин и К.Чуковский отмечали важное значение комментариев Зощенко к своим повестям, но не квалифицировали их рефлексивную сущность: «В отличие от «Уважаемых граждан» повествование ведется здесь (в «Сентиментальных повестях» — И.С.) замедленным темпом, со вступительными монологами автора, с его комментариями к изображаемому в книге событиям, — новый, неожиданный Зощенко, не такой, каким мы его знали по «Аристократам» и «Баням» (Чуковский, 1990, с. 589). Аналогично К. Федин (1973, с. 173) отмечал: «Очень важны для понимания зощенковских намерений те спутники, которые следуют за основными жанрами в его вещах. К сатире он дает комментарий, рассказывающий о нравоучительной тенденции темы. К пародии — пишет пролог, объясняющий пародийность повести и ведущий борьбу за литературу. Зощенко... стремится работать так, чтобы могли появиться книги «о литературном деле такого-то». Он думает об этом своем деле как о единственном смысле существования». Конечно, дело не в якобы тщеславии писателя Зощенко, а в том, что без его экзистенциально-рефлексивного обращения к себе, к «своему делу» невозможны ни акме-развитие творческого мастерства, ни самосовершенствование личности автора.

Тем самым можно сказать, что в повести «Перед восходом солнца» обнаружилась продуктивная роль экзистенциально-научной рефлексии (причем, она здесь максимальна по сравнению с другими тремя повестями) в решении субъектно-психологических проблем творческого саморазвития индивидуальности писателя, М.М.Зощенко.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова К.А., Петровский В.А., Семенов И.Н. и др. Психология индивидуальности: новые модели и концепции. /Под ред. Е.Б.Старовойтенко, В.Д.Шадрикова. М. МПСИ-МОДЭК. 2009.
2. Горький А.М. Группа «Серрапионовы братья» //Литературное наследство. Т. 70. М.Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М. 1963.
3. Деркач А.А., Семенов И.Н., Балаева А.В. Рефлексивная акмеология творческой индивидуальности. М. РАГС. 2005.
4. Ершов Л.Ф. Сатирические жанры русской советской литературы (от эпиграммы до романа). Л. 1977.
5. Зощенко М.М. Письма к писателю. Возвращенная молодость. Перед восходом солнца. М.Московский рабочий. 1989.
6. Зощенко М.М. Удивительные события. (Возвращенная молодость. Голубая книга. Рассказы и др.). М. Дом. 1994.
7. Лепский В.Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М. Когито-Центр. 2009.
8. Мих. Зощенко. Мастера современной литературы. Л. 1928.
9. Пономарев Я.А., Семенов И.Н., Степанов С.Ю. и др. Психология творчества: общая, дифференциальная, прикладная. М.: Наука. 1990.
10. Поэзия французского символизма. Лотреамон: Песни Мальдорора. / Под ред. Г.К.Косикова. М. МГУ. 1993.
11. Семенов И.Н. Бехтерев Владимир Михайлович. Блонский Павел Петрович. Выготский Лев Семенович. Душа. Индивидуальность //БСЭ. 3-е изд. М. С.Э. 1970-1973.
12. Семенов И.Н. Этапы и логика развития научного творчества Я.А.Пономарева //Мир психологии. 2006. N 1.
13. Семенов И.Н. Алексеев Никита Глебович. Зиновьев Александр Александрович. Ладенко Иосиф Семенович. Пономарев Яков Александрович. Шеварев Петр Алексеевич. ММК в лицах. Ч. 1, 2. М. 2006, 2007.
14. Семенов И.Н. Фундаментальная роль методологии Г.П.Щедровицкого в междисциплинарном взаимодействии философии и логики с рефлексивной психологией и педагогикой //Рефлексивные процессы и управление. 2007. N 1.
15. Семенов И.Н. Роль В.А.Лефевра в научном изучении рефлексии //Рефлексивный подход: от методологии к практике. /Под ред. В.Е.Лепского. М. ИФ АН. 2009.
16. Семенов И.Н. Рубинштейн С.Л. известный и неизвестный: историко-культуральная рефлексия жизнестворчества (к 120-летию со дня рождения) //Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. N 4.
17. Семенов И.Н. Рефлексивно-психологические и междисциплинарные аспекты развития человеческого капитала //Глобализация экономики и модернизация общества. Т. 2. М. 2009.
18. Серрапионовы братья. Антология. М. Школа-Пресс. 1998 — 640 с.
19. Федин К. Михаил Зощенко //Соч. в 10 томах. Т. 9. М. ХЛ. 1973. С. 169-178.
20. Чуковский К.И. Зощенко //Соч. в 2 томах. Т. 2. Критические рассказы. М. Правда. 1990. С. 547-604.
21. Шадриков В.Д. Внутренний мир жизни человека. М. 2006.

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ В ПИСЬМАХ: ПСИХОГЕРМЕНЕВТИКА РЕФЛЕКСИИ (ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

В.И.Батов

Российский институт культурологии,
Ведущий научный сотрудник,
доктор культурологии

Это не мое второе Я...
Владимир Высоцкий.

В этой работе я выделяю три аспекта.

Первый — это весьма непростое и в философском, и в психологическом отношении понятие «рефлексии». Важность этого понятия комментировать излишне, хотя бы потому, что мы до сих пор наблюдаем очень небольшое согласие относительно его значения в различных гуманитарных исследованиях.

Второй — это метод исследования, который я называю «психогерменевтикой». Понятно, что основанием этого метода служит философская герменевтика, истоки которой уходят в раннее средневековье (или позднюю античность). Но в обсуждаемой работе показан именно метод, и не обсуждаются сугубо философские проблемы общей герменевтики.

Третий — это «эмпирический» подход в изучении феномена рефлексии, что также несколько переходит границы его традиционного исследования.

Установка на эмпирию — опытное и экспериментальное исследование позволяет мне не слишком подробно останавливаться на методологических вопросах, ограничившись самыми простыми, а потому — вполне приемлемыми, общими положениями.